

СОВРЕМЕННЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ: ОБНОВЛЕНИЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ КРИТЕРИЕВ

П. Ю. Рахмиров

Пермский государственный университет

Уже на данном этапе работы по проблематике гранта «Консерватизм и цивилизационные вызовы современности» есть достаточные основания для вывода о формировании новых типологических признаков консерватизма под влиянием как ситуационных, так и долгосрочных факторов, порождаемых развитием современного мира. Среди них ключевую роль играют как раз те, которые относятся к разряду цивилизационных.

Источниковой базой исследования послужил огромный массив материалов консервативной периодики, сосредоточенных в интернетовских ресурсах Town Hall.com. Используются также персональные сайты консервативных политиков и идеологов, в том числе сайт президента США Дж. Буша-младшего. Наряду с материалами Интернета, дающими возможность самого оперативного анализа, привлекается широкий круг американских, британских, немецких, французских, итальянских и, разумеется, российских изданий.

Эволюция консерватизма рельефнее предстает в сопоставлении с аналогичным процессом, переживаемым его оппонентом – либерализмом. Поэтому в орбиту исследования вовлечены и разнообразные источники, отражающие позиции либералов в их полемике с консерваторами. При этом следует учитывать, что в Западной Европе либеральную функцию выполняют главным образом социал-демократы. Сам по себе политический либерализм играет там лишь вспомогательную роль.

Ход событий в мире подтверждает исключительную актуальность исследуемой проблематики. Значение цивилизационных факторов особенно возросло после 11 сентября 2001 г. Теперь можно с определенностью говорить, что именно отношение к ним предопределяет разграничение между современным консерватизмом и либерализмом и тем самым служит типологическим критерием.

Сдвиги в этом направлении наметились еще в 90-х гг. прошлого века, когда либералы и социал-демократы разработали стратегию «третьего пути», построенную на заимствованиях из консервативной теории и практики – главным образом времени Р. Рейгана и М. Тэтчер. Консерваторы в конце 90-х гг. XX в. ответили концепцией «сострадающего консерватизма», которую взял на вооружение и Буш-младший¹. Консерватизм та-

кого рода оспаривал у либералов роль главных защитников неимущих и расовых меньшинств. Поддерживать бедняков нужно, полагают «сострадающие консерваторы», но не с помощью всякого рода государственных пособий, обрекающих их получателей на вечное прозябание. Сострадание должно будить в людях чувство личной ответственности, потому что только оно поможет им подняться со дна, поверить в себя, стать полноценными гражданами. Не случайно Буш говорит о том, что наступила «эра ответственности»².

Диапазон расхождений между ведущими идейно-политическими течениями в социально-экономической области существенно сузился. К тому же они разделяют общие либерально-демократические ценности, характерные для западной цивилизации. Разногласия заключаются преимущественно в том, кто их лучше защищает.

В связи с этим основной ареной противостояния между ними стала сфера культуры; оселком для определения принадлежности к тому или иному лагерю является мультикультурализм, причем не только в США. Западноевропейские страны тоже становятся иммигрантскими. Консерваторы в них полны опасений за судьбы национальных культур и западного цивилизационного канона, стремятся сохранить за ними, говоря словами одного из германских консерваторов, роль «ведущей культуры» (*Leitkultur*).

Консерваторы не разделяют оптимистической веры либералов в универсальность западной культуры. Еще в 1993 г. С. Хантингтон предрекал возможность столкновения цивилизаций и подчеркивал жизненную необходимость сохранения уникальных свойств западной цивилизации ради ее выживания. Его взгляд наиболее энергично оспаривал один из главных поборников либерально-оптимистической точки зрения Ф. Фукуяма.

Универсализм либералов и социал-демократов предопределил их позитивное в целом отношение к глобализации. У консерваторов восприятие этого процесса довольно скептическое. Они привыкли придавать первостепенное значение национальным интересам.

События 11 сентября 2001 г. консерваторы истолковывают как подтверждение правильности их подхода к мировому развитию; правда, политкорректность побуждает их воздерживаться от слишком сильного упора на цивилизационную подоплеку свершившегося. Но, хотя речь идет о «войне против терроризма», все же за этой формулой угадывается нечто более значительное: защита ценностей западной цивилизации от ее смертельных врагов. Трактовка их президентом Бушем приобрела метафизический характер – они олицетворяют собой абсолютное зло.

Для либералов, европейских и американских, характерно неприятие концепции «столкновения цивилизаций», причем не только в силу полит-

корректности, но прежде всего из принципа. Подъем терроризма они рассматривают в широком социально-экономическом контексте. Так, на взгляд Фукуямы, то, что происходит в мире, не является столкновением определенных и равных культур, наподобие войн, которые вели между собой великие державы в XIX в., а арьергардными действиями обществ, чьи традиционные устои трещат под натиском модернизации. Однако время неумолимо работает на нее³. Поэтому американский ученый и публицист не считает 11 сентября 2001 г. неким эпохальным рубежом. Этот день по-новому ставит вопросы военной стратегии, энергетических ресурсов и внешней политики, но не означает какого-то фундаментального изменения в мировой истории⁴.

Консерваторы же склонны делить мир на *до* и *после 11 сентября*. Их вдохновляет патриотический подъем, всколыхнувший Америку, они усматривают в нем благоприятный шанс для новой консервативной волны. Тем более, как отмечает редактор еженедельника «The Weekly Standard» Д. Брукс, притягательность «сострадающего консерватизма» уже иссякает. В то же время афганские успехи Америки порождают уверенность, что ей под силу решение больших задач. Ощущается потребность в «великом мышлении», возрождается «чувство миссии». Нельзя упускать такую ситуацию, потому что за моментом высокого патриотизма может последовать разочарование⁵.

Отсюда воинственный дух американских консерваторов. Военные методы представляются им эффективным путем решения конфликтов. Это вызывает тревогу у американских либералов, и особенно это тревожит Европу. Своих оппонентов консерваторы обвиняют в «нейтрализме» и даже в посрамленном историей курсе на «умиротворение» агрессора. Голоса европейских консерваторов почти не слышны. Правда, в германском журнале «Меркур» (ноябрь 2001) можно было прочесть о летаргии, свойственной Западу, об утвердившихся там «пацифистских иллюзиях», о «примиренческих ритуалах»⁶. Пока еще доминирующие в Европе центристы и левоцентристы говорят об «американском империализме», склонности к «упрощенному мышлению», об изоляционистских и гегемонистских тенденциях в политике США.

У либералов и социал-демократов вызывает серьезные опасения тот факт, что в ходе войны с терроризмом ограничиваются традиционные гражданские права и свободы. Что же касается консерваторов, то они убеждены, что в определенных ситуациях безопасности следует отдавать приоритет перед либеральными ценностями, для того чтобы лучше их защищать.

Бесспорно, в современных условиях появляются признаки радикализации консерватизма. Это связано с пресловутой постановкой вопроса:

кто не с нами, тот против нас. Бросается в глаза сходство с известной концепцией К. Шмитта: «друг – враг», присущей правому радикализму (впрочем, и левому тоже). В связи с этим либералы опасаются, как бы Запад не уподобился своему фундаменталистскому противнику¹.

Однако в США либеральные ценности обладают достаточным запасом прочности. Войнственность же консервативного мейнстрима выбивает почву из-под ног консерваторов-экстремистов и правых радикалов. Так, кстати, было в США и Великобритании во времена Р. Рейгана и М. Тэтчер. Между тем в Европе относительная слабость консерваторов, размытость границ, разделяющих их и социал-либеральные силы, привели к росту экстремистского потенциала националистического и даже неофашистского свойства. Самым наглядным примером тому может служить Франция, где реальным кандидатом в президенты стал политический деятель, главным лозунгом которого был: «Франция для французов!».

Аналогичные тенденции с той или иной степенью интенсивности проявляются и в других странах Европы. Причем это связано не только с обострением проблемы занятости. Ксенофобия все более подпитывается нетерпимостью, в основе которой неприятие «другого», усугубляемое культурно-цивилизационными различиями.

В последнее время яблоком раздора между консервативными и либеральными кругами стала биоэтика. В этой еще неизведанной сфере людям приходится сталкиваться с проблемами, которые еще совсем недавно фигурировали лишь в научной фантастике. Непросто делать выбор между безоглядной поддержкой научного прогресса и его ограничением по моральным соображениям. Требуется чрезвычайно тонкая нюансировка.

Вообще, в позициях консерваторов и либералов тенденции к поляризации обычно соседствуют с консенсусными. Это обусловлено как сложностью вопросов, по которым сталкиваются ведущие идейно-политические течения, так и с их внутренней типологической неоднородностью. Дальнейшее исследование как раз и предполагает дифференцированный подход, учитывающий существование разных вариантов консерватизма.

«Столкновение цивилизаций», мультикультурализм, глобализация, биоэтика – таков неполный перечень вызовов современности. Отвечая на них, консерватизм переживает очередную метаморфозу, исследование которой продолжается.

¹ См.: *Olasky M.* Renewing American Compassion. N. Y., 1996; *Magnet M.* What is Compassionate Conservatism? // The Wall Street Journal. 1999. 5 Feb.

² Цит. по: *Brooks D.* The Responsibility President [Электрон. ресурс] // The Weekly Standard. 2001. 28 May. Vol. 6, N. 35. Режим доступа: <http://www.weeklystandard.com>.

³ См.: *Fukuyama F.* The West has won // The Guardian. 2001. 11 Oct.

⁴ См.: *Kaube J. History Redux. Fukuyama on Sent. 11 // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2002. 14 March.*

⁵ См.: *Brooks D. Tom Daschle, Dr. No [Электрон. ресурс] // The Weekly Standard. 2001. 31 December. Vol. 007, Issue 16. Режим доступа: <http://www.weeklystandard.com>.*

⁶ Цит. по: *Assheuer Th. Geistige Wiederbewaffnung // Die Zeit. 2001. 15 Novem., N 47. S. 54.*

⁷ См.: *Ibid.*

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ К ПЕРЕПИСКЕ ИВАНА ГРОЗНОГО И АНДРЕЯ КУРБСКОГО

А. И. Филюшкин

Санкт-Петербургский государственный технический университет

Переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского – комплекс документов, состоящий из 5 писем, написанных в период 1564–1579 гг. Впервые он был издан в 1833 г. Н. Г. Устряловым, с тех пор вышло более 10 научных изданий этого памятника: Г. З. Кунцевича (1914), Карла Штелина (1921), Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье (1951), Дж. Феннелла (1955), Г. Скаловы и Б. Илека (1957), Б. Норретрандера (1959), Д. Оливера (1959), Я. С. Лурье, В. Б. Кобрина и Ю. Д. Рыкова (1979) и др.

В основном это публикации текстов. Большинство из них сопровождается незначительными комментариями, показывающими наличие цитат или перефразировок из библейских книг в письмах (комментарии Г. З. Кунцевича, Дж. Феннелла, И. Ауэрбах и др.). Некоторые исследования содержат более пространственные комментарии, помимо библеизмов анализирующие другие текстологические параллели, рассматривающие исторический контекст событий переписки, показывающие взаимное соотношение различных фрагментов и смысловых блоков полемики царя и князя-диссидента. Это работы Я. С. Лурье, В. Б. Кобрина, в некоторой степени – К. Штелина и др.

Между тем до сих пор нет работы, содержащей развернутый герменевтический комментарий к переписке. Нет подробного истолковательного анализа памятника в целом, показавшего бы логику развития спора Грозного с Курбским, взаимные текстологические заимствования и переклички. До сих пор не выявлены все возможные библеизмы, отрывки из других теологических текстов, все литературные связи с другими памят-